

КЛУБНЫЕ ВСТРЕЧИ

отчего все-таки застрелился Треплев?

Веч. клуб — 2004 — 13 мая — с. 4, 5

Андрей Кончаловский: «Чтобы Чехов не расстроился»

Фестиваль «Черешневый лес», прежде славившийся дорогими музыкальными концертами и отменной светской тусовкой, поменял ориентацию — стал открытым фестивалем необычных проектов, включающим все виды искусств. Для «Черешневого леса» киноклассик Андрей

Кончаловский ставит свой первый в России драматический спектакль — чеховскую «Чайку». Сейчас на сцене Театра имени Моссовета уже идут первые прогоны, пока еще — без зрителей. Нину Заречную играет Юлия Высоцкая — киноактриса и жена режиссера.

Алла ШЕНДЕРОВА

Атмосфера в зале и на большой моссоветовской сцене царит подчеркнуто интимная. Прогоняют четвертый акт. Тусклый свет молочных абажуров переливается на полупрозрачном мирикусническом заднике, из-за которого раздается веселый рассказ Аркадиной о том, как ее принимали в Харькове. Но и веселье, и покой обманчивы — Треплев вот-вот застрелится. Перед этим он возьмет свою рукопись, вчитается и залыется хохотом. Потом разбросает по сцене исписанные листы и вприпрыжку убежит стрелять-ся...

— Андрей Сергеевич, вы ставите фарс?

— Нет, это комедия — так Антон Палыч написал. Очень часто Чехова ставят, будто он помер, да еще копаются в его останках. А я хочу поставить живого Чехова. Чтобы автор пьесы посмотрел мой спектакль и не расстроился.

— Вы много видели постановок Чехова?

— Много.

— Часто, на ваш взгляд, он расстраивается?

— Всегда. Вот я прошлым летом посмотрел «Дядю Ваню» Льва Додина — абсолютно чуждый мне спектакль, и решил, что самое время делать «Чайку». Ведь в каком-то смысле Чехова вообще нельзя поставить, потому и нужно бесконечное количество «Чаяк» — а вдруг кто-то подойдет совсем близко.

— Пятнадцать лет назад вы ставили «Чайку» в парижском «Одеоне», по приглашению Джорджо Стрелера. В нынешнем спектакле используете те же декорации Эдцо Фриджеро и музыку Эдуарда Артемьева. Это будет римейк?

— Нет, потому что русские артисты понимают Чехова намного лучше, чем французы. Хотя тот мой спектакль с молоденькой Жюльетт Бинош в роли Нины, с Машей Мериль — Аркадиной и Андре Дюсолье — Тригориним имел большой успех, шел очень долго. Однажды на спектакль пришел Питер Брук. Потом позвонил мне и сказал: «Это первый Чехов из всего, что я видел за пятнадцать лет».

Тут к уху режиссера приближается неизвестная мне дама и громко шепчет: «Андрей Сергеевич, мне хочется убить вашего Треплева!» «О, это хорошо, это мне нравится!», — отвечает ей Кончаловский и кричит актерам, играющим Треплева и Заречную: «Молодцы! Сейчас будем прогонять всю сцену еще раз. Напряжем самое серое вещество нашего мозга!»

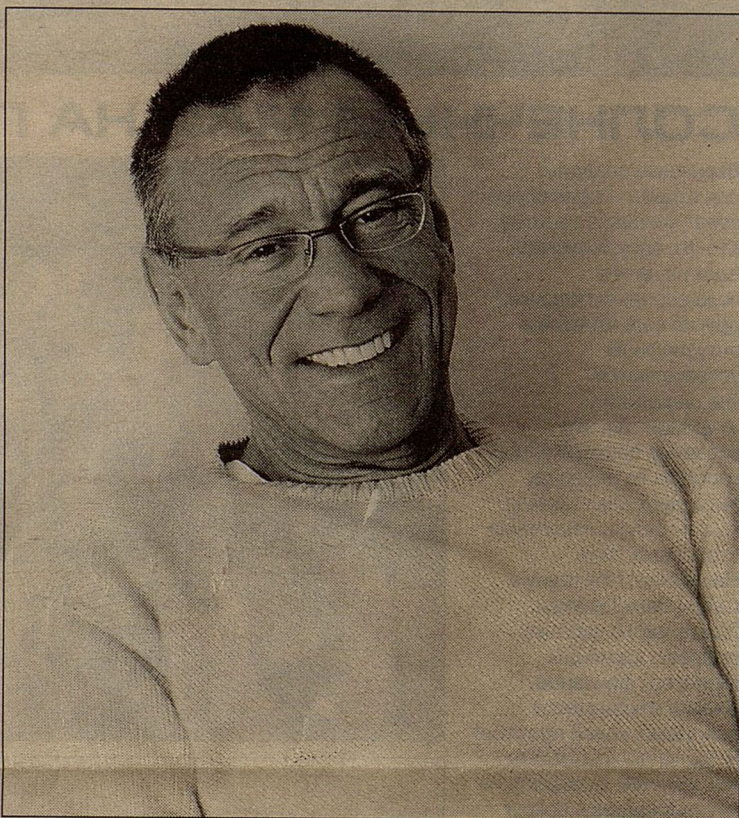

фото Елены Лапиной

**Из книги Андрея
КОНЧАЛОВСКОГО
«Возвышающий обман»:**

«Я очень любил этот спектакль... Не мог ничем заниматься, если знал, что в этот момент играют мою «Чайку». Спектакль — это живое и каждый раз новое. Каждый раз приходишь за кулисы, что-то говоришь, советуешь, поддерживаешь, кого-то целуешь, кому-то даешь пинка. Наверное, так чувствует себя тренер хоккейной сборной. Вот только знание того, что любой спектакль в конце концов умирает, окрашивает все ощущением приближающейся потери».

Егор КОНЧАЛОВСКИЙ:

«В 1987 году я ехал во Францию. Отец тогда ставил «Чайку» и по его задумке Тригорин должен был постоянно ножиком строгать можжевелевую веточку. Андрей Сергеевич звонит из Парижа на Николину гору, разговаривает сначала с дедом, Сергеем Владимировичем, потом зовет меня. Я беру параллельную трубку. Отец меня просит, чтобы я нашел ему можжевелевый куст, и говорит: «Одевай кеды или пошли кого-нибудь в лес!» И вдруг голос по параллельной трубке: «Я не пойду, у меня пленум!» Сергею Владимировичу послышалось: «Одевай деда».

Являясь к Треплеву, Нина много хохочет и плачет, причем так, что переход от смеха к слезам заметить невозможно. Монолог «Люди, львы, орлы и куропатки» и слова о любви к Тригорину она произносит как стихи, а фразу «Вы писатель, я актриса... Попали и мы с вами в круговорот» — сидя на полу и баюкая Треплева у себя на коленях.

Воспользовавшись паузой, я продолжаю допрашивать режиссера.

— Так отчего все-таки застрелился Треплев?

— А Бог его знает. Это жизнь. Вы мне напоминаете Книппер-Чехову: она в письме спрашивала у Чехова, что такое жизнь. Он ответил: «Это все равно, что спросить, что такое морковка. Морковка есть морковка».

— Ваша «Чайка» будет на грани традиции и авангарда?

— Ни в коем случае! Применительно к Чехову авангард — это онанизм. Сейчас время такое — вместо высокого искусства делают ширпотреб и выдают его за авангард. Мне это чуждо. Вон итальянец Оливьеро Тоскани собирается создать альбом с фотографиями экскрементов знаменитых людей — это тоже считается авангардом. Я что — должен вставать с этим в один ряд?! Кстати, в истории искусства такое часто бывало. Я, например, убежден, что если бы «Черный квадрат» Малевича не купили за бешеные деньги, о нем бы тут же и забыли. Это все пустой шум. А я хочу заниматься высоким искусством. Хочу

КЛУБНЫЕ ВСТРЕЧИ

«бей не по уху, а по лицу»

сделать хорошую комедию. Другое дело, что комедии заканчиваются в жизни по-разному.

– **Вы не смотрите спектакли нынешних молодых режиссеров?**

– Пробовал. Обычно досматриваю до середины, но и это бывает нелегко. Скоро, наверное, начну уходить, не дожидаясь антракта.

– **А если кто-то из этих режиссеров придет на ваш спектакль и уйдет, не дожидаясь антракта?**

– Это нормально. Профессионалу все становится понятно через десять минут.

– **Как вы отбирали актеров для «Чайки»?**

– Приглашал тех, кто не боится быть смешным, у кого есть чувство юмора. Аркадина – Ирина Розанова, Тригорин – Алексей Серебряков, Треплев – Алексей Гришин из «Табакерки», несколько актеров из Театра Моссовета.

– **Роль Нины – первый театральный опыт Юлии Высоцкой?**

– Нет. Несколько лет назад она играла в спектакле «Любовь – книга золотая», который я продюсировал. Юлия училась в Минске, у нее очень хорошая театральная школа.

...По сцене дефилируют две высокие женщины – Заречная и Аркадина – в пока еще несценических платьях, но в удивительно красивых шляпах.

– **Правда, что костюмы к «Чайке» согласился делать Рустам Хамдамов?**

– Да. Мы с ним работали в кино еще тридцать лет назад. Для «Чайки» Рустам делал все костюмы и шляпы по эскизам 1900–1905 годов, используя антикварные ткани и аксессуары, заранее купленные на лондонских «блошиных» рынках. Чеховские женщины должны быть в настоящих шляпах.

...Когда финальную сцену Треплева и Заречной прогоняют в третий раз, Высоцкая просит Гришину-Треплева, в порыве страсти дающего Нине пощечину: «Не бей меня по уху, бей по морде!» «Но он же будет бить по-театральному, ты и не почувствуешь», – уверяет ее Кончаловский. – «А мне нужно, чтобы я почувствовала, мне это поможет». «Это правильно! Ты понял: бей не по уху, а по лицу», – говорит режиссер Гришину и объявляет перерыв. ■

Его маленькая Чеховиана

На персональном сайте Андрея Сергеевича Кончаловского вывешен подбор цитат из писем и высказываний Антона Павловича Чехова, приоткрывающих взгляд режиссера на «Чайку». Вот некоторые из них:

«Теперь у меня четыре квартиры; нужно будет в каждой завести по супруге, чтобы потом они после моей смерти все съехались в Ялте и передрались бы на набережной...» – из письма В.К. Харкевич, 20 мая 1899 года.

«Пора запастись летним платьем. Шляпу я куплю удивительную, и вообще намерен франтить» – из письма А.С.Суворину, 4 марта 1893 года.

«Вы спрашиваете в последнем письме: «Что должен желать русский человек?» Вот мой ответ: желать. Ему нужны прежде всего желания, темперамент. Надоело кислячество» – А.С.Суворину, 15 декабря 1894 года.

«Мне нужно 20 тысяч годового дохода, так как я уже не могу спать с женщиной, если она не в шелковой сорочке» – А.С.Суворину.

«Ведь это не критика, не мировоззрение, а ненависть, животная, не-

насытная злоба... Зачем этот тон, точно судят они не о художниках и писателях, а об арестантах?» – А.С.Суворину, 24 февраля 1893 года.

«Я читал в «Курьере», что Станиславский играет Тригорина каким-то расслабленным. Что за идиотство? Ведь Тригорин нравится, увлекает, интересен одним словом, и играть его расслабленным и вялым может только бездарный, несообразующий актер» – М.П.Чеховой, 4 февраля 1899 года.

«Да, ты прав, для Петербурга необходимо еще хотя немножко переделать Алексея-Тригорина. Впрыснуть спермину, что ли...» – Вл. И. Немировичу-Данченко, 3 декабря 1899 года.

«...добродетельных играют только бездарные и злые актрисы» – О.Л.Книппер.

«Вот вы говорите, что плакали на моих пьесах. Да не вы одни. А ведь я не для того их написал, это их Алексеев сделал такими плаксивыми. Я хотел другое. Я хотел только честно и откровенно сказать людям: посмотрите на себя, посмотрите, как вы плохо и скучно живете» – записано А. Тихоновым.

«...все это мне надоело. Пьес я больше ставить не буду нигде и ни у кого» – М.П.Чеховой, 29 марта 1899 года. ■

